

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

УДК 94 (420)

ББК 63.3(4 Вел)

Исторические аспекты имперской идентичности: перспективы междисциплинарных исследований*

О.А. Аришинцева, С.Н. Исакова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Historical Aspects of the Imperial Identity: Perspectives of Interdisciplinary Research

O.A. Arshintceva, S.N. Isakova

Altai State University (Barnaul, Russia)

В статье предпринята попытка выявить новые возможности исследования роли имперского фактора во внешней политике Великобритании, открывающиеся благодаря использованию категории имперской идентичности, которую авторы представляют как вариант более универсальной категории региональной идентичности. Чтобы выяснить сложную природу региональной идентичности, авторы проводят сравнительный анализ существующих в современной регионалистике (А. Пааси) и «гуманитарной географии» (Д.Н. Замятин) определений региона как способа политической и историко-культурной организации пространства. Методологические постулаты этих концепций создают основу для междисциплинарного подхода в рамках «новой имперской истории» и позволяют рассматривать Британскую империю на вершине ее могущества в XIX — первой половине XX в. как самый значимый в мировой политике регион. Осознание ее особой роли в сложившейся международной системе лежало в основе имперской идентичности и внешнеполитических представлений британской политической элиты, что, в свою очередь, позволяет провести более четкую границу между идентичностью и имперской идеологией. Авторы приходят к заключению, что подобная постановка проблемы формирует новую дискуссионную повестку и по имперской проблематике, и по проблемам идентичности.

The article attempts to identify new opportunities for studying the role of the imperial factor in British foreign policy, which are opened up by using the category of imperial identity, which the authors present as a variant of a more universal category of regional identity. In order to find out the complex nature of regional identity, the authors make a comparative analysis of the existing ones in modern regionalism. (A. Paasi) and “humanitarian geography” (D.N. Zamyatin) definitions of the region as a way of political, historical and cultural organization of space. The methodological postulates of these concepts create the basis for an interdisciplinary approach in the framework of the “new imperial history” and allow us to consider the British Empire at the height of its power in the 19th — first half of the 20th centuries as the most significant region in world politics. Awareness of its special role in the prevailing international system was at the heart of the imperial identity and foreign policy ideas of the British political elite, which, in turn, makes it possible to draw a clearer line between identity and imperial ideology. The authors come to the conclusion that such a formulation of the problem forms a new discussion agenda both on imperial issues and on issues of identity.

---

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и ЭИСИ в рамках научного проекта № 21-011-31118.

Ключевые слова: империя, регион, региональная идентичность, имперская идентичность, Британская империя, внешняя политика.

Key words: empire, region, regional identity, imperial identity, British Empire, Foreign Policy.

DOI: 10.14258/izvasu(2021)5-07

На политической карте мира империй не сохранилось, но значительный след, который они оставили в мировой политике Нового времени, обуславливает непреходящий интерес исследователей к самым разнообразным аспектам имперской истории. Политические элиты современных государств — наследники своего имперского прошлого — по-разному переживают так называемый постимперский синдром, в том числе формируя миф об имперском величии в качестве дополнительного аргумента для обоснования амбициозных внешнеполитических притязаний.

Принято считать, что из бывших метрополий Великобритания в XX в. продемонстрировала наиболее успешный опыт преодоления этого синдрома, но и британские лидеры склонны прибегать к великодержавной риторике со слабым, но ощутимым имперским подтекстом. Так, представляя в парламенте в марте 2021 г. доклад по поводу перспектив безопасности, обороны, развития и внешней политики «Глобальная Британия в конкурентном веке», премьер-министр Б. Джонсон заявил: «Великобритания по-прежнему будет известна своим лидерством в области безопасности, дипломатии и развития, урегулирования конфликтов и сокращения масштабов нищеты. Наше сотрудничество будет высоко цениться во всем мире, и мы станем образцом комплексного подхода к решению глобальных проблем, интегрируя наши ресурсы для достижения максимального эффекта» [1, р. 3].

Более широко имперские сюжеты представлены в новейшей историографии. Современные исследователи, основываясь на чрезвычайно многообразном историческом материале, ставят вопрос о необходимости новой аналитической рамки для «новой имперской истории», что отражает важную ступень в становлении имперских исследований. Известный британский историк Доминик Ливен фиксирует возникновение «империи» как некоего нового универсального концептуального инструмента для изучения вопросов современной политики, проблем власти и исторической памяти об имперском наследии. Он отмечает, что проблемы государственной власти, безопасности государства и общества сделали актуальным изучение некоторых аспектов империй в исторической перспективе. По его словам, «за политкорректной терминологией глобального управления и гуманитарной интервенции просматриваются некоторые старые (и, в принципе, зачастую вполне доброжелательные) имперские пре-

тензии» [2, с. 343]. Из этих рассуждений логически следует признание феномена имперского сознания, которое, в свою очередь, можно рассматривать в качестве самостоятельного предмета исследования. Возможности междисциплинарного подхода к теме могут быть существенно расширены за счет использования категории имперской идентичности как особого комплекса представлений о такой сложносоставной политике, как империя.

Популярная в постмодернистском социогуманитарном дискурсе категория идентичности остается ключевой в разнообразных междисциплинарных исследованиях, посвященных роли нематериальных факторов — массового, коллективного, группового сознания, представлений о себе и других — в обществе на разных этапах его развития [3, с. 18–33]. В силу семантически сложной и неопределенной природы этой категории ее использование в сопредельных предметных областях исследования наряду с их собственным категориальным аппаратом для начала требует, на наш взгляд, пусть короткого и отчасти дилетантского, методологического высказывания, включая необходимый терминологический обзор. Это имеет прямое отношение к заявленной теме региональной идентичности, тем более, что само это понятие остается предметом оживленных дискуссий в отечественной и зарубежной литературе. При этом они являются частью более широкой дискуссионной повестки современной регионалистики, особенно, что касается определения понятий «регион», «традиционный» и «новый» регионализм, а также в понимании сути процессов регионализации и глобализации. В свою очередь, регионалистика оперирует пространственными категориями, различая или объединяя территориально-географические, гео- и просто политические, а также другие многочисленные и разнообразные параметры пространства. На этом пестром фоне уместно поставить простой вопрос о методологических преимуществах определенной концепции. В качестве следующего этапа рассуждений имеет смысл проверить ее эффективность на конкретном материале.

Для начала целесообразно постулировать признанное в большинстве классификаций деление регионов на внутренние и внешние, подразумевая в первом случае часть внутреннего пространства страны или государства, во втором — часть международного пространства. Оба указанных варианта, а также базовая классификация рассматриваются иссле-

дователями в рамках как «старого», так и «нового» регионализма, тем более, что само по себе деление международного пространства на регионы не является в международных отношениях чем-то новым. Сошлемся на мнение известной британской исследовательницы Л. Фосетт, которая полагает, что регионализм существовал всегда. Регионы в истории международных отношений могли быть представлены в виде империй, сфер влияния, а также альянса крупной державы и ее союзников. Регионы могли быть представлены целыми континентами, например Европа, и быть лидерами международных отношений XIX в. В современном понимании регионы выделяются как части международной системы, обладающие самостоятельной активностью, впервые проявившиеся как самостоятельные единицы в начале XX в. после окончания Первой мировой войны [4, p. 430].

Признанным авторитетом в области «нового» регионализма является финский исследователь, профессор-географ А. Пааси, который предлагает собственный вариант концептуализации региональной идентичности в более широких рамках современной интерпретации региона. Его подход основывается на региональной институциональной модели, которая стала основополагающей для развития методологии исследования «нового» регионализма в 90-х гг. XX в. Особый интерес в данном случае представляет то, какие характерные методологические проблемы видит А. Пааси в существующих подходах к региональной идентичности. Первая проблема связана с тем, что формы интерпретации, классификации «регионов» и «региональных идентичностей» являются сугубо политическими категориями. Проблема конструирования идентичности региона напрямую связана с вопросом: формирование идентичности есть естественный процесс или процесс, который конструируется политиками и элитами? Кто дает определение и характеристики тому, что мы понимаем под региональной идентичностью?

Вторая проблема заключается в том, что, определяя региональную идентичность, исследователи изучают ее как определенный феномен в конкретном регионе, используя конкретный набор методов. Например, Евробарометр использует методы опроса, которые не включают такие материалы, как региональный фольклор, тексты, фильмы и др. Подобные исследования используют узкий эмпирический материал для формирования подходов к понятию региональной идентичности [5, p. 475–485].

Признавая правоту А. Пааси в характеристике методологически незавершенной проблемы региональной идентичности, следует отметить, что он считает базовым параметром региона его географию, это a priori географическое явление [6]. Показательно, что определение региональной идентичности чаще

всего осуществляется через использование географического — в рамках «гуманитарной географии» — подхода, который позволяет определять ту или иную идентичность через призму конкретной территории и ее этнокультурных особенностей, а они формируются на протяжении определенного исторического периода. Признанным авторитетом в этой области является отечественный географ Д.Н. Замятин. Он определяет гуманитарную географию как «междисциплинарное направление, изучающее различные способы представления и интерпретации земных пространств в человеческой деятельности, включая мысленную (ментальную) деятельность» [7, с. 126]. Возражая против частого использования терминов «гуманитарная география» и «культурная география» в качестве синонимов, он подчеркивает, что в отличие от культурной географии, гуманитарная география: 1) может включать различные аспекты изучения политической, социальной и экономической географии, связанные с интерпретациями земных пространств; 2) позиционируется как междисциплинарная научная область, не входящая целиком или основной своей частью в комплекс географических наук; 3) смещает центр исследовательской активности в сторону процессов формирования и развития ментальных конструктов, описывающих, характеризующих и структурирующих первичные комплексы пространственных восприятий и представлений.

Естественным для концепции Д.Н. Замятина является понятие имагинальной, или образной географии как самостоятельного раздела географии гуманитарной. По его определению, имагинальная география как междисциплинарное направление изучает особенности и закономерности формирования географических образов, их структуры, специфику их моделирования, способы и типы их репрезентации и интерпретации. Собственно региональная идентичность является одним из базовых понятий концептуального поля географии образов, наряду с такими понятиями, как «пространственный миф», «культурный ландшафт», «ментально-географическое пространство» [7, с. 130].

Представленный обзор, не являясь исчерпывающим, все же позволяет выявить понятийную область пересечения регионалистики и гуманитарной географии в неклассическом определении пространства, в частности, с использованием категории пространственной (в том числе, региональной) идентичности. Оговоримся, что данный текст не претендует на глубину в определении разницы между традиционными (условно классическими) подходами к пространству и современными их вариантами, тем более, что в настоящее время используется более широкий подход в исследовании идентичности «пространства без определенных границ». При этом отметим,

что наиболее известное комплексное определение пространства дает традиционная геополитика. Эта простая констатация позволяет вернуться к вопросу о применимости указанных методов — в их свободном сочетании — к исследованию существовавших в недавнем прошлом больших пространств, какими были колониальные империи нового времени, и представлений о них современников. Это оправдано еще и потому, что имперский дискурс пережил «век Империи» (Э. Хобсбаум) и продолжает будоражить не только умы исследователей, но и воображение политических элит имперскими мифами и постимперским синдромом.

Как отмечалось выше, в последнее десятилетие у зарубежных и отечественных исследователей явно наметился всплеск интереса к имперской проблематике, который выражается как в попытках разработать универсальную модель империи, так и в погружении в конкретный исторический материал. И в том, и в другом случае неким эталонным объектом исследования остается Британская империя, ее становление, расцвет и упадок. Современная историография темы столь обширна и разнообразна, что способна удовлетворить самые разные исследовательские запросы. В качестве фундаментального труда, безусловно, сохраняет свое значение трехтомная оксфордская «История Британской империи» [8, р. 73], особый интерес представляет работа Н. Фергюсона «Империя. Чем современный мир обязан Британии» с его концепцией империи как идеальной институциональной модели, исследование «имперского проекта» Дж. Дарвина и др. В рамках сравнительного анализа исторически существовавших империй интересно представлен британский опыт в новейшей работе американского исследователя К. Кумара «Видение империи: Как пять имперских режимов сформировали мир» [9].

Эти и другие схожие по тематике исследования укладываются в современный тренд, который направлен на переоценку роли империй в современной истории, и вполне закономерно, что большинство авторов обращаются к популярным темам, связанным с имперским сознанием и представлениями имперской нации о той политике, в которой она доминирует. Довольно широкий спектр (набор) концептуальных подходов к проблеме укладывается в границы между традиционной идеологической парадигмой (оперирующей категориями «идеология империализма», «имперская идеология»), с одной стороны, и интересующей нас концепцией идентичности (с категориями «имперская идентичность» или «британская идентичность») — с другой. Примечательно, но вполне объяснимо, что в отечественной британистике при освещении имперских сюжетов среди представителей старшего поколения преобладает первый подход [10], а увлеченные новыми популяр-

ными «брендами» молодые исследователи методологически предпочитают второй вариант [11, с. 61–69]. Наблюдаются примеры простого соединения подходов: в формулировке темы присутствует «модная» категория, а в содержании прямо и недвусмысленно имперская идентичность определяется как имперская идеология [12].

Все вышеизложенное дает возможность в заключении сформулировать в виде нескольких тезисов постановочную повестку для того, чтобы выявить перспективы исследования имперской идентичности в рамках изучения британского имперского опыта в целом.

1. Британская империя в XIX — первой половине XX в. — большое, сложноорганизованное пространство с неоднородной внутренней структурой (доминионы, колонии) и примыкавшей к имперской периферии «неформальной» империей (включая такие регионы, как Китай и Латинская Америка в XIX в.). Системообразующими элементами этого пространства, как и его образа, являются экономика, институты, оборона, технологии, имперская и колониальная культура, а также научные достижения в изучении империи [8, р. 332]. Наиболее точно в качестве региона это пространство характеризует его статус и роль в мировой политике. Симптоматично, что специалисты по международным отношениям заинтересовались империями как средством концептуализации и осмысления современного мирового порядка. В этой же плоскости уместно рассматривать сходство и различия между имперской идеологией и имперской идентичностью.

2. Эти два понятия не являются полностью тождественными, хотя их, несомненно, объединяет общая политическая природа. Предвидя возражения против преимущественно политической трактовки имперской идентичности, следует оговориться, что имперская идентичность характеризует политическое и ценностное самосознание британской нации, которая формировалась одновременно в процессе строительства и модерного государства, и колониальной империи. Примечательным примером нелинейного соотношения традиционных политических идеологий (консерватизма и либерализма) и имперской идентичности стали масштабные изменения начала XX в.: если до Первой мировой войны имперские взгляды в большей степени ассоциировались с консервативной программой, то после ее окончания — в условиях либерализации международной практики — британские лидеры были склонны определять империю в либеральных категориях, более соответствующих духу времени. Так, открывая послевоенную Имперскую конференцию 20 июня 1921 г., британский премьер Д. Ллойд Джордж провозгласил, что Британская империя уникальна: «Свобода является ее связующим принципом» [13, р. 12–29].

3. По мере роста могущества Британской империи к концу XIX в. произошло окончательное смещение внешнеполитических приоритетов Великобритании в сторону преобладания имперских интересов. Представления британской политической элиты о роли и значимости империи определяли принципы и суть разрабатываемой внешнеполитической стратегии в процессе перехода от политики «блестящей изоляции» к активной реализации роли мирового лидера. Программное внешнеполитическое мышление британского руководства более уместно, на наш взгляд, характеризовать в терминах имперской идентичности, а не имперской идеологии. Глобальный подход к проблемам безопасности империи в рамках сложившегося на рубеже XIX–XX вв. миропорядка следует рассматривать, скорее, как основу самоидентификации империи, а не идеологический постулат. И хотя фраза П. Геддеса «Думай глобально, действуй локально» была произнесена по другому поводу, она

довольно точно выражает британское видение имперской и международной безопасности в условиях перехода от европоцентричной к мировой политике. Не случайно кембриджский историк Дж. Дарвин предпочитает термин «британская мировая система» общепринятому термину «империя» [14, XXI–XXII].

Оценивая возможности использования категории имперской идентичности при изучении внешнеполитического мышления британской политической элиты, отметим новые перспективы, которые открываются благодаря применению историко-политической наукой более широкого подхода к предмету своего изучения. Это направление исследований представляется весьма перспективным, поскольку позволяет по-новому осмыслить огромный объем накопленного и более доступного, благодаря цифровым технологиям в том числе, фактического материала по истории британской внешней и имперской политики XIX — первой половины XX в.

Библиографический список

1. Global Britain in a Competitive Age. The Integrate Review of Security, Defence, Development and Foreign Policy. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/global-britain-in-a-competitive-age-the-integrated-review-of-security-defence-development-and-foreign-policy>.
2. Ливен Д. Империя, история и современный мировой порядок. URL: <https://scicenter.online/books-mirovaya-istoriya-scicenter/dominik-liven-imperiya-istoriya-sovremennyiy-103606.html>.
3. Семенов И.С. Категория идентичности в социальных науках: понятие, когнитивный потенциал, приоритеты исследований // Идентичность: Личность, общество, политика / отв. ред. И.С. Семенов. М., 2017.
4. Fawcett L. Exploring Regional Domains: A Comparative History of Regionalism // Intern. Affairs (Royal Inst. of Intern. Affaires 1944–2004. Nr. 80/3.
5. Paasi A. Region and Place: Regional Identity in Question // Progress in Human Geography. 2003. 27, 4.
6. Paasi A. A «Border Theory»: an Unattainable Dream or a Realistic Aim for Border Scholars? 2011. URL: <https://www.researchgate.net/publication/272681482>.
7. Замятин Д. Н. Гуманитарная география: предмет изучения и основные направления развития // Общественные науки и современность. 2010. № 4.
8. The Oxford History of the British Empire. Oxford: Oxford University Press. Vol. 3. The Nineteenth Century. Ed. A. Porter. Oxford: Oxford University Press. 1999.
9. Kumar K. Visions of Empire: How Five Imperial Regimes Shaped the World. Princeton, 2017.
10. Айзенштат М.П., Гелла Т.Н. Английские партии и колониальная империя Великобритании в XIX в. (1815 — середина 1870-х гг.). М., 1999.
11. Караваева Д.Н. Английская идентичность и ее дискурс: Британия — Англия — Северная Англия. Екатеринбург, 2016.
12. Симонов А. В. Британская имперская идентичность в конце XIX в. — начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 2016.
13. Conference of Prime Ministers and Representatives of the United Kingdom, the Dominions, and India (Summary of Proceedings and Documents of the). Held in June, July, and August, 1921, at London. URL: <https://atojs.natlib.govt.nz/cgi-bin/atojs?a=d&d=AJHR1921-I-II.2.1.2.4&e=10--10-->
14. Darwin J. The Empire Project. The Rise and Fall of the British World-System, 1830–1970. Cambridge ; New York, 2009.